

Т.П. Буслакова

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!» (1924)

Это третье из пятнадцати стихотворений, составивших цикл «Персидские мотивы» (1924—1925). Есенин мечтал побывать на родине высоко ценимых им персидских поэтов X–XIV вв.: Саади, Омара Хайяма, Фирдоуси, Хафиза. Но путешествие не состоялось, и цикл был написан о впечатлениях от пребывания автора на Советском Востоке — в Грузии и Азербайджане.

«Голубая родина Фирдуси», «Свет вечерний шафранного края», «синие цветы Тегерана» не изображаются, а «придумываются» поэтом:

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем...

(«Никогда я не был на Босфоре...», 1924)

Лирический герой цикла — «признанный» «в далеком имени — Россия» поэт, приехавший искать «в судьбе покоя», «удела желанного//Всех, кто в пути устали» («Воздух прозрачный и синий...», 1925). Здесь он находит «блаженство», «нежность», «свежесть», красоту и любовь, но, пытаясь переложить их в «песенное слово», осознает, что нарушит «правду жизни», если будет петь «с голоса чужого» («Быть поэтом — это значит то же...», 1925). Его «Сердцу снится страна другая» («Свет вечерний шафранного края...», 1924), о которой он пытается рассказать встреченной им «персиянке» — «прекрасной Лале», «дорогой Гелии» или «милой Шаганэ». В образе возлюбленной поэта высвечивается не столько реальное лицо, сколько впечатления от «девушек весенних» «Хороссана» и воспоминания о героинях персидской лирики. К ним поэт обращает «нежностью пропитанное слово», пытаясь укрыться «под чадрую» «милой» от тоски по «равнине русской» («Отчего луна так светит тускло...», 1925); «Глупое сердце, не бейся!», 1925) и сознавая, что это невозможно:

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет сердца теплотою...

(«Руки милой — пара лебедей...», 1925)

В стихотворении «Шаганэ ты моя, Шаганэ!» имя героини напоминает о батумской знакомой Есенина Ш.Н. Тальян. Но обращение к ней — в действительности только условная мотивировка рассказа о «севере», образ которого создается на основе антитезы «здесь — там». Шираз (город на юге Ирана, родина Саади и Хафиза) — сердце Востока, он «красив», овеян поэзией и легендами. Но для лирического героя «Он не лучше рязанских раздолий», даже луна, поэтический символ любви, «там огромней в сто раз». Все в герое неразрывно связано с «севером» («Эти волосы взял я у ржи...»). Память о родном крае в нем так сильна, что ни физическое ощущение («Я нисколько не чувствую боли»), ни улыбки милой не могут ее заслонить:

Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне...

В построении стихотворения использована такая твердая форма, как глосса. Первая строфа состоит из начальных строк последующих четырех. Строчки пятистишия-магистрала, в котором сформулирована тема стихотворения («Я готов рассказать тебе поле...»), в новых строфах получают развитие, попадая в иной контекст. Своеобразие

созданной Есениным вариации глоссы состоит в том, что строчки повторяются в дальнейшем дважды — в начале и конце строф. Так же построен и сам магистрал, в связи с чем глосса на пятистишие получается не шести-, а пятистрофной.

Строчки магистрала произносятся каждый раз с новой интонацией. Вторая строчка («Потому что я с севера, что ли...») вначале объясняет интерес лирического героя к теме рассказа. Затем, благодаря продолжению придаточного предложения («Потому... что луна...»), включается в мотивировку лирической оценки Востока («Он не лучше...»). А заканчивая строфу, звучит с извинительной интонацией.

Третья строчка («Я готов рассказать тебе поле...») заключает в себе парадокс, неожиданное сближение человеческого и пейзажного планов (не показать, а «рассказать поле»). В строфе, которую она обрамляет, проясняется основание такого сближения — характерное для лирики Есенина ощущение своего родства с природой.

Четвертая строчка попадает в особый контекст. Если в начале строфы в ней развивается мысль о близости лирического героя природе родного края, то в конце она воспринимается на реминисцентном фоне, обусловленном выражением «Не буди только память во мне...». В нем слышны отзвуки пушкинского произведения, где лирическому герою в «песнях» «красавицы» слышится напоминание о «береге дальном». В стихотворении «Не пой, красавица, при мне...» (1828) лирическая ситуация зеркальна по отношению к есенинскому обращению к «Шаганэ...». «Другая жизнь» — это берег «Грузии печальной», «напоминают» ее «жестокое напевы». У Есенина, напротив, память «Про волнистую рожь при луне» пробуждают шутки и улыбки милой. Но в обоих стихотворениях мысль о «другом» крае, будь это Грузия или «север», сопряжена с воспоминанием о ночном лунном пейзаже и о любви.

Обращение «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» не случайно повторено четыре раза — ее образ «страшно» похож на ту, кого не может забыть лирический герой Есенина:

Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...

Если для пушкинского героя «Черты далекой, бедной девы» стали «призраком», то у Есенина выражено живое, мучительное переживание недавней разлуки. За внешней антитезой Ширази и «севера» скрыта внутренняя драма. Общность мироощущения поэтов проявляется в единстве оснований для преодоления этой антитезы. Очевидная на смысловом уровне, она не подтверждается при рассмотрении образного и эвфонического планов. Хотя у «берега дального» есть свои особые признаки (у Есенина повторяются пушкинские «степь», «поле», луна, память, «далекая... дева»), прошлое и настоящее соединяются в душе героя. Для их характеристики использован один фонический прием — звуковые повторы сонорных с гласными. У Есенина:

Про волнистую рожь при луне — **Как бы ни был красив Шираз**
Он не лучше рязанских раздолий — **Дорогая, шути, улыбайся**

У Пушкина:

Не пой, красавица, при мне — **Ты песен Грузии печальной**
Твои жестокие напевы — **И степь, и ночь, — и при луне**

Музыка звучит и в воображении, и в непосредственном впечатлении героя. Благодаря стихии любви, в которую погружена его душа, восстанавливается пространственно-временная гармония мира.